

В. ВЕЙДЛЕ

Набоков. Первая «Лолита»*

С тех пор как он умер, я часто о нем думаю. Перечитываю его книги. Перечел, например, и авторский перевод «Лолиты», вышедший в 1967-м году. Книга мне понравилась теперь больше, чем десять лет назад, и больше, чем когда я читал ее по-английски, как только она появилась, еще в парижском издании 1955-го года. То досадное чувство заглушения эроса «сексом» теперь ослабело, не только потому, что уже не было в нем для меня ничего нового, но и потому, что «Ада» вызвала его у меня с удвоенною силой. Но вот чего я перечесть не мог, так это первую, коротенькую версию «Лолиты», написанную по-русски и озаглавленную не так. Напечатана она не была, и о рукописи ее автор сообщил, что она уничтожена, но в конце 1939 года, в Париже, он дал мне ее прочесть, и главные черты этого наброска — вполне отделанного, впрочем, и приготовленного для печати — ясно мне запомнились.

В послесловии к американскому изданию «Лолиты» 1958 года, которое я цитирую по русскому ее изданию, Набоков писал:

«Первая маленькая пульсация “Лолиты” пробежала во мне в конце 1939-го или в начале 1940-го года, в Париже, на рю Буало, в то время, как меня пригвоздил к постели серьезный приступ межреберной невралгии». Результатом явился, по словам Набокова, «рассказ, озаглавленный “Волшебник”, в тридцать что-ли страниц. Я написал его по-русски <... . Героя звали Артур, он был среднеевропеец, безымянная нимфетка была француженка, и дело происходило в Париже и Провансе. Он у меня женился на большой матери девочки, скоро овдовел, и после неудачной попытки приласкаться к сиротке в отельном номере бросился под колеса грузовика. В одну из тех военного

* Впервые: Русская мысль. 1977. № 3184. 29 декабря. С. 9.

времени ночных, когда парижане затемняли свет ламп синей бумагой, я прочел этот рассказ маленькой группе друзей. Моими слушателями были М. А. Алданов, И. И. Фондаминский, В. М. Зензинов¹ и женщина-врач Коган-Бернштейн; но вещицей я был недоволен и уничтожил ее после переезда в Америку, в 1940-м году².

Не все экземпляры этой рукописи (или машинописной копии) были, однако, уничтожены. В книге о Набокове Эндрю Филда (Бостон, 1967) приведены, по-английски, две довольно длинные цитаты из «Волшебника»³ и поправлена ошибка его автора: в машинописном тексте рассказа не тридцать страниц, а пятьдесят четыре. Размер рукописи, некогда мною прочитанной, скорее к этому числу страниц приближался, чем к тридцати, но цитаты Филда — из коих одна относится к началу, а другая к концу рассказа — не совсем согласуются с тем, что сохранилось в моей памяти, да и заглавие мне помнится другое: не «Волшебник» (или «Маг», *The Magician*), а — весьма отчетливо — «Сатир». Жалею, что, прочитав книгу Филда, я об этом не запросил Набокова, и с горечью говорю: «Теперь уж поздно»; в переписке с ним не был, беспокоить его не хотел; а пишу об этом нынче оттого, что вопрос, возникающий у меня, мог бы — так я надеюсь и такая возможность не исключена — разрешиться и посмертно.

Вопрос состоит в том, не читал ли я версию еще более раннюю, чем та, что поступила в распоряжение Филда и была озаглавлена по-новому; а интересно было бы узнать ответ на него прежде всего из-за одной подробности, которая незначительной может показаться лишь при самом крайнем верхоглядстве. Я говорю о возрасте той девочки, которая впоследствии названа была Лолитой.

Лолите в начале романа двенадцать (с несколькими месяцами) лет. Она достигла того, что так суконно зовется «половой зрелостью», и невинность свою отнюдь не сохранила, так что соблазнителя или похитителя ее (ни то ни другое слово не вполне подходит) в «растлении малолетней» обвинить никак нельзя. Девочку-француженку в «Волшебнике» и Филд, и сам Набоков называют двенадцатилетней, да еще и «нимфеткой»,

¹ См. о них «Переписку В. В. Набокова с В. М. Зензиновым» в наст. изд. (С. 34—123).

² См.: В. В. Набоков: *pro et contra*. СПб., 1997. С. 82—83. Рассказ «Волшебник» впервые опубликован в России в журнале «Звезда» (1991. № 3. С. 9—28).

³ См.: *Field A. Nabokov: His Life in Art, a critical narrative*. Boston, 1967. P. 328—329.

применяя к ней словечко, «Лолитой» введенное в обиход английского и французского языков. Не помню, безымянной ли была девочка в рассказе «Сатир», но твердо помню, что девочке этой было не более десяти лет, что совсем неосведомлена была она по части женско-мужских дел, оставалась невиннейшим ребенком. Герою того рассказа именно такие девочки и нравились. Первая глава показывала нам его в Париже, но не в Тюильрийском саду, как «волшебника», а в несуществующем нынче, но тогда существовавшем сквере между Сеной и церковью Сен-Жерве.

Сидит он там на скамейке и с вожделением посматривает не на грациозную конькобежицу (на роликах), как «волшебник», а на девочек куда помоложе, с ведерками и совками, играющих на песочке. Описано было это посматривание с редкостным мастерством, так что если интенсивность описания ценить превыше всего, то лишь финал мог соперничать с этой увертюрой. Финал был катастрофичен — и до крайности не-приличен; но катастрофой как раз и уравновешивалось это не-приличие, — с точки зрения морали, как и с точки зрения искусства. Возвращая рукопись Набокову, я именно финал этот всего горячей и хвалил, заметив в то же время, что ни один русский журнал (я думал в первую очередь о «Современных записках») последней страницы рассказа не напечатает. Он с этим не спорил, но и не сказал мне, что одному из редакторов «Записок» он свой рассказ уже читал. Прочел ли он Илье Исидоровичу⁴ и его друзьям — несколько позже — уже «Волшебника», а не «Сатира», и была ли новая версия последней страницы менее непристойно реалистична, чем первая, не знаю. Цитата у Филда относится к началу страницы, а не к концу. Слова Набокова о неудачной попытке «приласкаться к сиротке» ни о каких изменениях кривой усмешкой своей не оповещают, тем более что заключительная катастрофа в «Волшебнике» оставалась той же, что и в «Сатире». О ней сообщали три последние строчки. О судьбе девочки не сообщалось ничего.

Фабула рассказа была и осталась лишь завязкою похожею на фабулу «Лолиты». В результате женитьбы «среднеевропейца Артура» на слабого здоровья вдове, француженке, и заранее им учтенной ее кончины он получает в полную свою власть ее дочку, уже успевшую по-дочернему привязаться к нему. Он везет ее, как мне помнится, не на юг Франции, а в Швейцарию, останавливается в отдаленной от населенных мест гостинице, и когда утомленная дорогой девочка, прикорнув на двуспальной

---

⁴ И. И. Фондаминскому.

кровати, начинает засыпать, приступает к выполнению давнего своего замысла: пытается всерьез «приласкаться к сиротке». Та отбрыкивается, ничего не понимает, плачет, кричит... Получается не то, что нужно. Он в бешенстве накидывает халат на склизко запачканную пижаму, выбегает из комнаты, выбегает из гостиницы на большую дорогу. Его давит проносящийся мимо автокар или грузовик.

Так осуществляется в рассказе то, что поэтической справедливостью назвал Шиллер, никак уж не меньше тысячи лет тому назад, — и чего вполне достаточно, чтобы побудить любого не совсем арьергардного автора от такого финала отказаться. Чья стремительность, кроме того, не позволила бы превратить рассказ в роман. А бесспорная криминальность неудавшегося покушения еще и поссорила бы Набокова пусть и с находившейся уже при последнем издыхании цензурой. Ни многоопытность, ни предприимчивость юницы, получившей имя Лолиты, не сломили сопротивления англосаксонских издателей: названный ее именем роман был впервые напечатан полуподпольно в Париже, и лишь контрабандно переправляли его оттуда в Англию и Америку. Такое положение вещей продолжалось, однако, недолго. Цензура одряхлела и сошла на нет, а издатели смекнули: ведь и герой романа Гумберт Гумберт, короче гм, гм (что, вероятно, не ускользнуло и от автора), посажен был в тюрьму совсем не за то, за что мог бы туда попасть его предшественник Артур: не за Лолиту, а за убийство его соперника по части псевдорастлений. Что же до усугубленной сравнительно с рассказом порнографии, то термин этот вышел из употребления; должно быть уже и в словарях стоит после него отметка «уст.», а если нет, недолго ее ждать. Да и чем же верней повысить тираж, как не обстоятельностью известного рода описаний?

За всем тем «Лолита» куда значительней, чем доамериканский коротенький ее эскиз. Если б напечатан он был и этим дело бы окончилось, лишились бы мы несравненно большего, чем мы лишены теперь. Лишились бы последних — и лучших — глав романа, повествующих о замужней, о беременной Лолите (с каким надрывом! а еще их автор Достоевского бранил!) и о подлинно-любовных муках уже не эротоманствующего Гм Гм, но и прелестного, в других главах, персифляжа⁵ (прощу прощения: и этого слова «по-русски» нет) американских нравов и привычек; да и многого другого. Книга эта, как о ней «в конечном счете» ни суди, останется навек самым зрелым

---

⁵ Persiflage (*франц.*) — осмеивание.

произведением совершенно исключительно одаренного, редкостно блестящего русского писателя.

Русского? Во всяком случае, говоря «мы», я русских его читателей разумел. «Лолита», хоть и с легкими языковыми погрешностями, прекрасно — и для русской словесности плодотворно — переведена по-русски. О если б нынешние русские прозаики сумели внимательно ее прочесть, какую для себя извлекли бы они из этого чтения пользу! Я даже глубоко убежден, что русская «Лолита» гораздо более крупное явление русской литературы, чем английская английской (или американской). Но именно поэтому так и хотелось бы мне, чтобы найден был текст ее первого наброска и опубликован по-русски. Да ведь это и последнее слово Набокова, накануне того как передал он слово другому Набокову — американскому романисту, родом из России. С «Лолитой» поучительно будет рассказ этот сравнить. Все преимущества окажутся, без сомненья, на ее стороне. Кроме одного. Конец рассказа изъявляет его смысл, «совестливый» его смысл — провал, омерзение, самоистребление, — в русской преемственности укорененный. Этого смысла в «Лолите» нет.

